

Неявное родство: о поэзии Андрея Расторгуева

Расторгуев А. Земля крылатых яблонь: Стихи / Андрей Расторгуев; художник Мария Живило. – Екатеринбург: Изд-во «АСПУР», 2019. – 132 с.

Поэтическая оптика Андрея Расторгуева отчасти родственна эффекту двойной экспозиции в фотографии: одно изображение накладывается на другое, сливаясь и порождая неожиданные связи и ассоциации. В этих стихах величественный Собор Парижской Богоматери вдруг обретает сходство с малороссийской деревянной церковкой, за французским звучанием Rue de Paradis прячется Райская улица, в облака над городом уходит не небоскреб, а фэнтезийная Мордорская башня. Время тоже начинает расслаиваться на настоящее и прошлое, утягивая за собой двоящиеся элементы пейзажа: во время бурана лирическому субъекту чудятся события вековой давности, рядом с рекой Белая Холуница появляется и Черная, рядом с Караиделью течет Агидель.

Дихотомии придают поэзии Расторгуева оттенок фольклорности, который то поддерживается с помощью песенного ритма и пауз, словно дающих сказителю сделать вдох, то подкрепляется лексически и фонетически. Возникают знакомые формулы: долго ли, коротко ль, за тридевять земель, мертвая и живая вода. Автор играет на рифмах-созвучиях: *на обороте – в телефоне-автомате, Кустаная – костеня*. Такое неявное родство еще более подчеркивает «оборотность» мира, предлагая читателю отчасти архаичный, сказочный способ его осмысления: возникающая двоичность обнажает переход от одного мира к другому.

Но этот второй мир можно назвать другим в самом широком, мультикультурном плане: он историчен, в нем звучат разные языки, во множестве возникают памятники архитектуры разных времен, проявляется литературный рельеф. Прошлое завораживает, экзотические слова очаровывают, но автор неизменно следует стратегии возвращения (тоже сказочной?) в свой мир, а точнее – в исконно русский. Поэтому и встречаются в текстах древние формы *малыя, белыя*; поэтому всякое иноязычное слово обретает толкование или же находит созвучие в русском языке. Потому, порой в ироничном тоне, порой даже в сюрреалистической манере, автор помещает рядом всевидящее око и белую колокольню, сталкивая и братая «гордыню и благодать», намекая на правильность и праведность русского пути.

Фиксируя в стихах эти противоположащие подобия, автор и прямо декларирует свой творческий метод:

Всё двоится, чтоб сохраниться
на песке и на языке.

Интерес к архетипической в своей основе двойственности то проявляется в стихах

Расторгуева ярко, то отдается далеким эхом, но неизменна конечная цель автора – уловить эти моменты разделения и закрепить их на поэтической канве, чтобы сохранить для своих удивленных читателей.

ИЗ КНИГИ «ЗЕМЛЯ КРЫЛАТЫХ ЯБЛОНЬ»

* * *

Где клонится, да коренится
поубавившийся народ,
речка Белая Холуница
земляные породы трет.

Речка Черная Холуница
моет корни невдалеке...
Все двоится, чтоб сохраниться
на песке и на языке.

И, названиями не обманывая,
мимолетные с высоты,
затекают с Большою Малая
речки Белые под мосты...

Имена только, да навеяло –
не убавилось от потерь:
всяя Малыя и Белья –
и Великия по теперь...

КАРАИДЕЛЬ

Караидель (башк.) – черная река

I

Издалека из-под руки,
охотник в тысячном колене,
вглядись: на берегу реки
легли ленивые тюлени,
а подберешься на версту
по ивняковому околку –
неимоверному киту
вода оглаживает холку...

Как броневые корабли,
на дух петрушки и шалота
идут из глубины земли
три перевозданных кашалота,
но до последних шатких пор,
удерживая спины пашен,
лежит опорой опор
тяжелый панцирь черепаший.

II

Пускай своя не бѐлена и мелом,
не уходи за тридевять земель –
Караидель впадает в Агидель,
и черное расходуется в белом.
Удачи – на подброшенный пятак,
но твердь земная вовсе не жестока:
в течении от горного истока
Карá переменяется на Ак.

Раскачивает – да не колыбель,
но все противопологи жизни волглой
уносит в море мудрая Идель,
по-русски именуемая Волгой.
И даже в беспросветные года
склонись над черной прорвою в затоне
и зачерпни – прозрачная вода
останется на вымытой ладони.

NOTRE DAME DE PARIS

II

В жизни – коротко ли, долго ль –
все мы ходим по следам...
Николай Василич Гоголь,
у собора Notre Dame
очутившийся впервые
хоть и не под Рождество,
поминал, конечно, «Вия»
завершенья своего.

Вроде сравнивать неловко –
точно с бритвою топор –
деревенскую церкóвку
и заслуженный собор,
но разинутые пасти
во французской стороне
малоросские напасти
наморочили и мне.

Позабыв о Квазимодо,
я почти наверняка
ожидал под сенью свода
след бурсацкого мелка...
Утонченная натура
за нахальство извинит –
знаю: мир соединит
русская литература.

ЕЛИСЕЕВО ПОЛЕ

Потолкавшись у Эйфелевой в подоле,
где желающих, что ивасей,
мы с тобой перешли Елисейское поле –
не считает полей Елисей.

Между улочек узких и булочек хрустящих,
заводных за живое имен
это имя звучит совершенно по-русски
с незапамятных детских времен.

Нам латинская грамота ближе китайской:
догадаешься – переведи,
и нежданно-негаданно скажется Райской
рядовая Rue de Paradis.

Холодка отдаленного как не бывало,
если видел и осязал
полумрак Благовещенского бульвара,
Святолазаревский вокзал...

Но с недолгой романтикою бонтона
разлучимся – была не была.
Нам с тобой не лежать в глубине Пантеона
или Sainte-Geneviève-des-Bois.

На ленивую почесть и скорую пулю –
во плоти оказался – плати –
по открытому минному русскому полю
не окончены наши пути.

* * *

Крепя сетями строп
стеклянную рубашку,
походит небоскреб
на Мордорскую башню,
как будто во плоти
пылающее око
готовится взойти
с туманного востока.

Но прямо за прудом,
а по мосту – окольно
на берегу другом
белеет колокольня,
и, не обелена
убийственной судьбою,
за ней – еще одна
свечюю голубою.

Сошлись – рекой подать –
на позвонке державы
с гордыней благодать
и Толкиен с Бажовым –
уперты правотой,
грядой береговою...
И не разлить водой –
ни мертвой, ни живую.

* * *

Кто собаку завел – обязался поденной рутинной,
и поди разбери, кто прислуга, а кто господа...
Нынче в моде ретриверы, точно охотой утиной
на исходе судьбы мировой занялись города.

Вот и мой золотистый, являя ребячий рассудок,
голубями обходится за неимением уток
и обнимется с первою встречной, того и гляди,
отпечатав признание в любви на высокой груди...

В меру всякая тварь мировой благодати причастна,
и, наверное, в белое солнце и черную тьму
я хоть этому сукину сыну служу не напрасно
и не зря омываю шершавые лапы ему.

* * *

Прервав за легкой сукою побег,
тяжелый пес хватает свежий снег –
и вьется снег над восхищенным зверем.
И зверь смеется, точно человек,
хотя его немилосердный век
лишь детству человеческому сомерен.
И заново мгновенье погода,
неугомонный дух переведа,
пускается в любовные погони...

Ты, словно неразумное дитя,
его избаловала не шутя,
прикармливая с ласковой ладони.
Но я и сам, хотя не потакал,
порой готов подняться к облакам
в земной недолговечной оболочке.
Покуда не укрылся ковылем,
то лебедем лечу, то кобелем
скачу на поводке или цепочке.

* * *

Снова ветер в степи заиграл –
бьет зарядами пуще свинчатки...
Этот фронт перешел за Урал
и, похоже, дойдет до Камчатки.

В Таре-городе северный лес –
снег его прошибает не сразу,
а южной, говорят, МЧС
перекрыл заметенную трассу.

Здесь дрова запаляют в печах
отогреться, а не для потехи.
И почудилось: в Омске – Колчак,
и восстали опять белочехи...

А ветрище идет на таран
и трясет жестяную обитель,
и забытое слово «буран»
обновляет губами водитель.